

Светлана Алексиевич:

Книги Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» и вышедшая в минувшем году «Последние свидетели» — недетские рассказы детей войны удостоены литературных премий им. Н. Островского и К. Федина. Они переведены на многие языки и завоевали горячих почитателей не только у нас, но и в Болгарии, Чехословакии, Югославии, Китае и других странах. Семисерийный фильм В. Дашука, в основу которого легла книга «У войны не женское лицо», принес режиссеру Государственную премию СССР, а спектаклю Омского академического театра этого же названия — Государственную премию РСФСР.

— К имени Алеся Адамовича буду обращаться часто, — говорит Светлана. — Потому что Александр Михайлович тот человек, который определил мой литературный выбор. Он в самом высоком смысле слова Наставник, учитель, всегда готовый помочь в самых сложных творческих, да и житейских ситуациях.

Должна признаться, хоть детство и юность мои прошли в селе, я принадлежу к типично «филологическому» поколению. Отец и мать учителя, поэтому выросла я в окружении книг и «книжных» разговоров. Потом был университет. Потом журналистская работа. Но в какой-то момент я вдруг поняла, что насыщена, даже перенасыщена книжным знанием. Помнится, однажды в командировке утром вышла на балкон и увидела — во дворе стирает женщина. В ней было столько радости: от чистого белья, от хорошо выполненной работы, и поразила меня, что я-то радости от такого обыкновенного, будничного дела не испытала. Испытывала счастье от встречи с искусством, хорошей книгой, с умным человеком, а вот так — нет. В эти мгновения очень зримо, осязаемо поняла, как многослойна, многолика жизнь. Такое «прозрение» привело меня в «Сельскую газету». Много ездила. В это же время вышла книга А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесникова «Я из огненной деревни», которая совершила во мне настоящий духовный переворот. Мирощущение авторов совпало с моим восприятием окружающего.

Годы, прожитые в деревне, не прошли даром. Они научили воспринимать жизнь — как бы это определить? — в хоре голосов. Ведь в деревне ни одно событие не переживается обособленно — в одной семье, в одном доме. И еще я поняла, что героем может быть простой, незаметный человек, без орденов и медалей, что историческое знание присутствует в каждом человеке.

Однажды в Минске состоялся «круглый

стол» писателей-документалистов. На нем выступал А. Адамович. Мне запомнились его слова: «Болевые начала в нашей литературе смещаются в сторону женской и детской памяти». Почему мне пала на душу именно эта формулировка? При всей своей неопытности и молодости серьезное чтение с детства убедило меня, что без круга собственных идей, без своего выстраданного понимания мира писатель не состоится. А здесь почувствовала — это мое! Так я начала сбор материала для книги «У войны не женское лицо».

...Более пятисот женщин выслушала Светлана. Более пятисот военных, огненных дорог прошла со своими героинями. Это был нелегкий труд, в котором закалялась душа. Дочерний долг перед этими женщинами, желание сказать о них свое слово вело Светлану Алексиевич из города в город, из села в село, из дома в дом, от судьбы к судьбе. Были на этом пути и неудачи, и остановки.

— Какую главную задачу ставили вы перед собой, что цементировало такой обширный материал, каков был принцип художественного отбора?

— Когда начинала работу над книгой, ставила перед собой три задачи: чтобы каждый восхитился, что такое женщина; чтобы каждый понял, что такое военное поколение; чтобы никого не оставило чувство вины перед этими женщинами. Их, женщин, кого сама природа предназначила для продолжения рода человеческого, война вынудила убивать. Через срок лет после войны одна из моих героинь скажет: «Я на все согласна. Ничего, никаких излишеств не надо. Пусть ничего не будет. Только пусть будет мир... Только мир. Понимаете, мир! Мы же этот мир спасли... Умирали за эту жизнь молодые ребята. О чем они жалели? Что вот они погибнут и нигде не останутся их кровинчки. Это же четыре года войны, четырех детей можно было родить. Я тоже боялась умереть, что ребеночка еще не успела

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

родить. Пусть бы, думала, родилась девочка, чтобы у нее была другая судьба... И родила после войны дочь... Потом хотела именно внучку. И родилась внучка!».

Я не знаю, что может сплотить людей больше, чем та опасность, которая нависла сегодня над планетой. Вот почему Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева всколыхнуло весь мир. Человечество вправе потребовать от США столь же серьезного отношения к самой важной проблеме нашего времени. Но проходят недели, а кроме общих слов со стороны официальных кругов Вашингтона, ничего не слышно. Однако каждый честный человек в эти тревожные дни не может, не имеет права молчать. Надо обострить в умах и сердцах людских неприятие самого противоестественного — войны.

— Но, как вы знаете, на Западе, да и не только там, раздаются голоса о том, что, мол, пора забыть об ужасах войны. Что вновь и вновь обращать память человека к тем временам жестоко. Более того, говорят, что книги, фильмы о войне якобы могут породить, воспитать в человеке ответную жестокость.

— Думаю, что все зависит от позиции художника. Смакование жестокости и жестокая правда, рассказанная и показанная для того, чтобы вызвать чувство сопереживания, пробудить протест, — вещи диаметрально противоположные. Но такая позиция действительно существует даже у людей, в общем-то хорошо относящихся к нашей стране. Вспоминаю спор с одной шведской писательницей. Она говорила мне: мы обе с вами молоды, родились после войны. Зачем вы копаетесь в этих ранах? Человечеству надо забыть об этом.

Тогда я спросила:
— У вас есть бабушка?
— Да, даже две.
— Дедушка?
— Тоже.

А я росла только с одной бабушкой. Вторую бабушку и двух дедушек забрала война. Двух дядей забрала война. Отец воевал. Когда сестра выходила замуж и по обычаю на свадьбе родственники рассаживались по двум сторонам — невесты и жениха, на стороне невесты была пустота. И деревенские бабы сразу заголосили: невеста с партизанской стороны. Каждый раз за праздничными столами мы помним о том, что этих самых близких людей нет с нами. Их унесла война. Едва ли мы останемся людьми, если у нас не будет этой памяти.

Я писала книги не потому, что хочу видеть свой народ солдатом. Я хочу понять, в чем сила моего народа. И хочу из человеческих судеб извлечь духовное знание, которое нам необходимо, чтобы ответить на вечные вопросы:

что такое добро и что такое зло, что такое человеческое достоинство.

Разговор на эту тему, помнится, происходил перед спектаклем «У войны не женское лицо» в Московском театре драмы и комедии на Таганке. После его окончания моя оппонентка вышла с заплаканными глазами и сказала: вы видите мое лицо? Я многое поняла.

Наверное, ради этого я и многие другие — писатели разных поколений — пишут эти «трудные», жестокие книги. Мы пишем их, чтобы не дать очерстветь человеческому сердцу, чтобы оно не покрылось коростой обывательского равнодушия.

А равнодушия еще немало. В одном письме женщина-ветеран, одинокая женщина — это судьба многих, прошедших войну, — пишет: «Почему, когда читают о нашей жизни на войне в книге, смотрят в кино, театре, люди плачут, а когда ты с ними на одной лестничной площадке, то они живут своей жизнью, а я — своей. Никто не плачет рядом со мной».

А разве не проявление чиновного равнодушия, что ни одна организация, когда я начинала свою работу, имея сто двадцать рублей зарплаты, не захотела помочь. А ведь одни магнитофонные пленки, и мне их надо было сотни, стоят недешево. Спасибо, поверив в меня, субсидировали А. Адамович, В. Быков и другие писатели. Иначе, наверное, книги мои могли бы не состояться.

Едва ли у кого-нибудь вызовет сомнение, что эти пленки представляют несомненную историческую ценность. Понимая это, я безвозмездно хотела передать их музеям, архивам, чтобы сохранить для будущего. Ведь это живые голоса — свидетельства истории. Так до сих пор и не удалось «пристрочить» кассеты ни в одно хранилище.

— Светлана, вы не обойдены вниманием кино, театра, телевидения. По вашей первой книге поставлены фильмы, спектакли. Знаю, что и вторая книга «Последние свидетели» заинтересовала и театры, и кинематографистов. Как складываются ваши отношения с ними?

— Должна признаться, тут я везучий человек. Что касается кино, то всегда было удивительное какое-то чувство, что именно на экране полностью раскрывается мой замысел. В книге мне недоставало голоса, зрительного образа: движения лица, жеста. Ведь, кроме жизни слова, есть жизнь целостного образа. Поэтому работа в кино меня очень увлекала. Отношения же с театром складывались сложно. Я поначалу не принимала театральной условности. Очевидно, надо было повариться в этой «кухне», чтобы ощутить, понять и принять театр. Эту возможность я получила, когда А. Эфрос и Б. Глаголин работали над спектаклем «У войны не женское лицо» в Театре на

Таганке. Режиссеры очень активно, доброжелательно помогли мне сделать пьесу, в которую вошли многие фрагменты из не использованного раньше материала.

Когда же я впервые пришла на репетицию... мне все ужасно не понравилось. Это я и выложила Анатолию Васильевичу Эфросу, чем его, каюсь, очень обидела. Два дня он ко мне не подходил. А мне он ужасно понравился, мне было бесконечно интересно с этим человеком. За два месяца, что пробыла на репетициях, я получила такую огромную радость — профессиональную и человеческую, — что запомню это на всю жизнь.

Сотрудничество с кинематографом и театром продолжается. Сейчас мы вместе с главным режиссером Минского тюза В. Коротневичем думаем над переложением для сцены «Последних свидетелей». Как это сделать? Пока не знаю. Знаю только, что в тюз зритель надо непременно делать своими собеседниками. Есть у нас совместный замысел с талантливейшим, с моей точки зрения, кинорежиссером В. Рыбаревым. Я рада, когда мои книги привлекают внимание других видов искусства. Слово — всеисильно. Но у каждого вида искусства есть свои средства, и мне интересно их постигать. Это обогащает и как человека, и как литератора. Мое видение становится объемнее.

— Семь лет жизни, напряженнейшего труда. 700 записей рассказов свидетелей войны. Две книги... Что дальше?

— Главным итогом предыдущей работы считаю то, что материал этот выработал у меня слух на фальшь. Я поняла, что такое Человек. Я словно «прошла» войну и увидела весь ее ужас. Это — главное. Хочу продолжить в избранном жанре. Замысел будущей книги можно определить так: эти непонятные старые люди и эти непонятные молодые люди.

Меня очень интересует поколение коммунистов двадцатых — тридцатых годов.

Записала уже многих и могу сказать, что это удивительные люди! Прошедшие через страшные испытания, они сохранили кристально чистые души. Я хочу свести в этой книге их и совсем юное поколение. Начало и завершение жизни.

Почему я взялась именно за эту тему? Потому что связь времен, связь поколений неразрывна и мне хочется ее проследить. В сложностях, противоречиях, порою взаимном непонимании и все-таки в единстве!

Пока не могу сказать, что из этого получится. Еще не слышу «звука» книги, но работаю с увлечением.

МИНСК.

Т. АБАКУМОВСКАЯ.

Фото Ю. Иванова.